Мельранские истории

Автор:
Ясмина Сапфир

Мельранские истории

Ясмина Сапфир

Мельранские истории

История по космическому миру будущего, где люди делят власть над космосом с загадочной расой мельранцев.

1. Я для тебя одной воскресну

История полумельранца-получеловека.

Он – наполовину инопланетянин. Она – человек с уникальными способностями. Он никогда не имел семьи, избегая близких отношений. Она имела все: семью, детей, внуков. И теперь избегает близких отношений, потому что пережила всех, кого любила. Он умирал. А она его воскресила. И теперь им предстоит рискованное задание в инопланетной колонии. Смогут ли они распутать череду преступлений и не запутаться в собственных отношениях?

2. Мельранский мезальянс

История старшего наследника влиятельной семьи мельранцев – Саркатта: Рейгарда Саркатта.

Елисса – индиго, прожившая не один десяток лет, одинокая и самодостаточная. Единственная, кем она дорожит – это давняя подруга Мелинда, тоже индиго. Но Мелинда влюбляется в красавца-инопланетянина, беременеет от него, хотя это и считается невозможным, и теперь ей грозит смерть. Брат любовника Мелинды –

Рейгард – предлагает Елиссе сделку. Смогут ли они найти общий язык, понять друг друга и сохранить взаимопонимание в обществе высокомерной аристократии с Мельрании, для которой любые отношения с землянкой – ужасный мезальянс.

3. Мельранский резонанс

История сына Рейгарда Саркатта.

Милана легла на операцию, а очнулась в далеком будущем, на планете Мельрана. Эксперименты здешних ученых сделали из нее индиго, а оживил ее… один из очень богатых и влиятельных местных жителей. Милана оказывается втянута в невероятные приключения. Один родовитый мельранец хочет сделать ее инкубатором для своих детей. Другой – своей женщиной, а кое-кто – спасительным кругом. А еще… еще Эймердина Саркатта, знатная и высокородная мельранка, выступит в роли амазонки…

Плюс два рассказа по миру.

Королева для мельранца – предыстория встречи Рейгарда Саркатта и его возлюбленной.

Мельранский экстрим – нечто вроде Эпилога к истории Рейгарда Саркатта и его возлюбленной.

Ясмина Сапфир

Мельранские истории

Сборник

Я для тебя одной воскресну

Глава 1. Если все происходит не так, как мы представляем, значит, все так и должно быть

Из-за одного лихача воздушная трасса больше походила на поле боя. Машины шарахались над землей, как стая птиц от выстрелов охотника.

Над моим такси пронеслась синяя легковушка. Кабиной вниз. Скрипнул руль. Таксист вцепился в него со всей дури. Переключилось, будто в фантастическом фильме, радио. Громыхнул металл, оборвался, грянул марш. В дверцу уперлась морда красного большегруза. Опустилась пониже, и испуганное лицо водителя оказалось прямо напротив моего. Я вжалась в сиденье. Сердце забилось где-то в горле, свинцовый воздух застрял в груди. Мимо пронесся черный джип. Сверху – серебристая легковушка. Руль заскрежетал. Но таксист справился – мы снова отскочили вбок.

Большегруз продолжал двигаться следом. Мы резко развернулись. И… перед самым носом пролетел красный автомобиль. Повернулся боком, избегая столкновения. Снизу мелькнула еще кабина. Очередной скрежет руля – и мы пулей вылетели с воздушной трассы. Такси зависло над пустырем. Сзади его обступил частокол черных небоскребов, а со стороны «небесного шоссе» огибала узкая лента наземной дороги.

Большегруз немного замедлился. Но синяя машина, как чертик из табакерки, выскочила прямо на него. Закрутилась, пронеслась перед самым носом черного джипа… И вошла в неуправляемый вираж. Продолжая вращаться, врезалась в белую, что ехала по самому краю трассы…

– Снижайся! Снижайся! – крикнула я водителю, подаваясь вперед.

– Куда? С ума сошла? А если прилетит еще кто? – вспыхнул он.

– Снижайся, сказала! Там человек!

– Ладно, – процедил водитель. – Но если что – сама виновата. И заплатишь…

Такси неторопливо, словно нехотя, спускалось на поросшую редкой травкой дорогу. Колеса медленно коснулись земли, встали на твердую опору… А я… я наблюдала за белой машиной. Руки тряслись, внутри разливался холод, тело колотило от озноба.

Белая машина крутилась в воздухе. Закладывала виражи. Снова и снова. И, наконец, вылетела за пределы воздушной трассы. Врезалась в одно здание, в другое, в третье. Срикошетила и рухнула на пустошь поодаль от трассы. Покатилась, завертелась и встала на бампер. Задержалась на несколько секунд, покачиваясь, словно былинка на ветру. Грохнулась на колеса, прокатилась еще немного и замерла неподалеку от нас.

Я выудила из кармана сотовый и попыталась набрать номер службы спасения. Руки тряслись, как от озноба. С первой попытки получился нелепый набор цифр. Со второй включился режим фотографирования. Еле отключила. Тыкала-тыкала в виртуальную клавиатуру. И наконец… попала…Но тут упрямый телефон почти выскользнул из ладони. Я начала судорожно перехватывать его, пытаясь удержать.

– Давай уже, – нервно вырвал телефон водитель.

Молоточки в ушах заглушали басистый голос шофера:

– Да… южная часть двадцатой трассы… нарушитель скрылся в неизвестном направлении… возможно, тяжело пострадали люди…

Все остальное осталось в голове картинками из калейдоскопа…

…Я вышла из машины, оставив водителя считать свои деньги за ожидание, и некоторое время пребывала в ступоре, уставившись в одну точку. На белую машину. Казалось, время остановилось. Но это было не так. Паутина трещин продолжала расползаться по лобовому стеклу. Смятый в гармошку перед машины приоткрыл пасть, и она неприятно задребезжала от порыва ветра. Только водитель не шевелился. Я видела его ауру и понимала, что скорая уже не поможет, и гибель пострадавшего – дело времени. Водитель лишь наполовину

человек, наполовину мельранец – сын инопланетника. Но и он не выживет после таких травм…

Издалека завыла сирена, и я вздрогнула, словно немного вернулась в реальность. Обернулась к многолюдной трассе, похожей на полноводную реку, где вместо воды разлиты разноцветные чернила.

Синяя молния машины службы спасения виднелась издалека. Ей уступали дорогу, и джип с алыми крестами на дверцах в мгновение ока долетел до нас. Проскользнул над головой, и сел неподалеку от такси. Верное решение. На пустыре ближе к пострадавшему, но отсюда легче взлететь.

Спасатели суетились недолго. Двое здоровенных детин оторвали дверцу рядом с водительским сидением без всяких инструментов. Кажется, она держалась на честном слове. Помятый кусок металла выбросили чуть поодаль и осторожно, фиксируя плечи и шею, вытащили водителя.

Подоспели санитары с носилками. Их холщовая ткань оставалась белой каких-то несколько секунд. Кровь медленно вытекала изо рта молодого мужчины и ран на теле, покрывая свободные части носилок бордово-алыми кляксами и крапинками.

Словно в замедленной съемке наблюдала, как мимо несут пострадавшего. Руки, ноги и туловище полумельранца рассекали порезы – глубокие и не очень. Некоторые открывали на обозрение белесые ленты сухожилий. Из других острыми пиками торчали сломанные кости. Как ни странно, лицо бедолаги пострадало меньше всего.

Внезапно рука пострадавшего соскользнула с носилок и едва ощутимо коснулась моей. Я вздрогнула: пальцы полумельранца еще хранили тепло.

Пострадавший застонал – очень тихо, надсадно и… открыл глаза. Наши взгляды встретились. Он моргнул, веки закрылись, тело обмякло. Потерял сознание… Но этот взгляд… он решил для меня все.

Я бросилась к худенькой медсестре – она ожидала в машине с капельницей наготове. Сидела на специальной скамейке и почти не шевелилась. Но едва пострадавшего поднесли поближе – ожила в мгновение ока. Пока она осторожно

вводила катетер в вену раненого, я запрыгнула в машину. Кроссовки тихо звякнули о металл пола. В нос ударил запах железа и соли. Кровь…

– Что? Вы? Куда? – затараторила медсестра, оглядываясь в поисках коллег. Они вытащили из кабины машины службы спасения красные чемоданчики и заспешили к нам.

Понимая, что времени совсем нет, я принялась городить первое, что пришло в голову.

– Девушка… пожалуйста… Я его любовница. У меня муж… он очень стар… Не могу бросить… Пожалуйста… сообщите, что и как…

Медсестра изучала мое лицо, словно хотела прочесть на нем правду. Вздохнула и вытащила малюсенький розовый сотовый. Такими можно пользоваться, только увеличивая и экран и клавиатуру виртуально.

– Давайте номер, – бросила она, кивнув в сторону санитаров. Здоровяки в синих футболках и штанах доставали из чемоданчиков какие-то приборы. Наверное, чтобы диагностировать пострадавшего еще по дороге. – Меня зовут Маргарита…

Быстро продиктовала номер и выскочила вон. Теплый ветер обдал с ног до головы, но я задрожала как от лихорадки. Задняя дверца машины беззвучно захлопнулась, и авто взмыло ввысь. А уже спустя минуту растворилось в полноводной реке трассы… Я села в такси и, кивнув счетчику, словно соглашаясь на сумму, едва слышно выдохнула.

– Продолжаем путь…

И потянулись длинные недели…

Каждое утро начиналось со звонка Маргариты. Новости день ото дня становились все неутешительней.

Но я знала это и так. Просто ждала часа икс… Своего часа… Момента, когда смогу воскресить его…

* * *

В тот самый день я проснулась в небывалом воодушевлении. Знала, что случится. И чудилось мне, даже солнце светило в окна как-то по-особенному тепло. Согревало и обнадеживало. Ежеминутно я ждала звонка Маргариты. Ожидание коротала за простыми, но порой такими важными житейскими заботами – уборкой, готовкой, мытьем посуды.

Телефон зазвонил как раз в тот момент, когда я помешивала борщ. Я обтерла руки о полотенце и приготовилась слушать, заранее зная, о чем пойдет речь. Маргарита говорила тихо, вкрадчиво, будто стеснялась новости, что планировала сообщить:

– Мне очень жаль… мы сделали все, что могли, – тянула она.

Я закусила губу, чтобы не поторопить Маргариту.

– Сегодня в половине двенадцатого его отключат.

Я молчала в трубку, суматошно соображая, как ее попросить. Но Маргарита сделала все за меня.

– Приходите попрощаться. Я проведу, – сказала еще тише. – Четвертый этаж, хирургия. Я буду ждать вас в два часа.

– Но он ведь уже… – Язык не поворачивался договорить.

– Нет, он умрет не сразу. Вы успеете попрощаться – Маргарита отключилась.

Я бросилась вон из квартиры и уже через двадцать минут стояла перед городской больницей.

Вокруг раскинулся нерукотворный парк. Ветер перебирал ветки деревьев, как гитарист – струны. Здесь пахло жизнью – прогретой на солнце хвоей, медовой пыльцой и росой, хотя она уже почти просохла.

– Ой, вы здесь? – послышался сзади голос Маргариты. – Отлично, я вас лучше черным ходом…

Она потянула меня за рукав. Травяной ковер щекотал лодыжки. Мы обогнули здание больницы, и Маргарита открыла железную, похожую на гаражную, дверь.

Мы взбежали по белой лестнице – такой новой, словно по ней не ступала нога человека. И Маргарита решительно отворила еще одну дверь. Небольшую, деревянную. В лицо так пахнуло запахом лекарств, что захотелось расчихаться. Маргарита потянула меня за собой, и мы вошли в длинный просторный коридор.

Белые стены словно светились под ослепительными лучами ламп, пол, выложенный теплой кафельной плиткой, шуршал под ногами. Сновали туда-сюда деловитые медсестры и серьезные врачи. Санитары прогрохотали мимо тележкой, накрытой белой простыней. То ли с лекарствами, то ли с аппаратурой для стерилизации.

Маргарита затащила меня в комнату, на двери которой было написано «сестринская».

– Минуточку, – бросила суетливо и юркнула наружу.

Какое-то время я стояла посреди просторной комнаты с двумя серыми диванами и плоским экраном в полстены. За окном пролетела голубая птица с желтым пятном на голове, что-то крикнула в мою сторону и унеслась прочь.

Маргарита вернулась, пряча глаза, и сунула мне в руки белый халат. Я торопливо надела его. Маргарита снова схватила меня за рукав и вывела в коридор. Мы почти пробежали до середины, когда провожатая впихнула меня в палату.

И я… застыла, оцепенела… Похолодела изнутри. Койки уходили вперед ровными рядами. Сколько их? По десять в ряду? Двадцать? На них лежали даже не гуманоиды… тела в коконе трубок. На стенах мигали и пикали приборы. Тихо-тихо, словно боялись нарушить тишину.

Впалые глазницы, худые ладони, острые скулы… пациенты так походили друг на друга…

Полумельранец…

Он единственный был свободен от трубок. Под тонкой белой простыней угадывались очертания когда-то сильного мужского тела. Лицо словно побелили мелом и посыпали серой пудрой.

В горле невесть откуда образовался колючий ком. На глаза навернулись слезы… Но я отогнала сантименты: не время! Закрыла веки и вызвала плазму. Аурный огонь потек по венам – медленно и восхитительно.

Не помню, как подошла, как склонилась над ним. Помню лишь прикосновение к сухим губам… Жестким и неживым. И то, как плазма потекла от меня к полумельранцу, оживляя на считанные часы. Давая шанс на полноценное воскрешение.

Он резко распахнул глаза, и я внутренне сжалась, ожидая, что смертник вгрызется в мою ауру, спасая свою жизнь… Но… Полумельранец вскочил – совершенно обнаженный, неожиданно быстрый, и я поняла, что он хочет совсем другого способа оживления.

На минуту, на секунду мной овладела паника. Я никогда не соглашалась на этот способ воскрешения. Он виделся мне странным и… неправильным. Глядя в налившиеся кровью губы умирающего, на румяное лицо, на его полную готовность безумно хотелось развернуться и убежать. Но… что-то меня остановило. Наверное, этот синий взгляд.

Он подскочил, подхватил меня на руки и тут же вошел. Только полумельранец так легко смог бы заняться сексом стоя, без малейшей опоры. Брал грубо, жадно, немного истерично. Как дикарь, варвар, вбивался до конца, резко выходил и врывался снова. Но неожиданно для меня самой внизу живота собиралось сладкое томление. Мышцы сжимались и разнеживались – все во мне требовало продолжения. По телу шли волны удовольствия.

Он извергся… помедлил и начал прижимать, ласкать, целовать… Я сомлела… потеряла контроль… Я хотела этого мужчину. Впервые в жизни хотела того, с

кем и парой слов не перемолвилась.

Он притянул меня – властно, но не жестко. И я запрыгнула сверху. Мы торопливо соединились и принялись двигаться. Теперь полумельранец медленно, с чувством входил до конца. Ненадолго замирал, пока я дрожала от наслаждения, в предвкушении впивалась пальцами в его мощные плечи. Почти с сожалением покидал меня и снова рвался вперед.

И я потеряла ощущение реальности. Тепло и томление, сладкие сокращения, снова тепло и томление. Мурашки и дрожь оргазма… Больше не существовало ничего…

Ощутив, что дело сделано, еще одна жизнь спасена, я даже не отстранилась, отпрыгнула от своего нежданного любовника. Он покачнулся, шагнул следом и рухнул как подкошенный. Аура и тело еще должны подстроиться, принять мой огонь.

Не в силах поднять на него глаза, быстро набросила платье, халат и заспешила прочь из отделения. Я почти бежала по широким коридорам. Скорее, наружу, подальше от тех, кто может заметить, признать чужачку.

Больница казалась слишком уж светлой, слишком многолюдной для моей тайной миссии… Еще несколько шагов, еще несколько секунд – и я покину отделение.

Но тут … дверь одного из кабинетов отворилась, и из нее вышел доктор. Сердце ухнуло в пятки, я забыла, как дышать, ватные ноги с трудом передвигались. Но серьезный, понурый врач на секунду задержался, резко развернулся и направился в другую сторону. Я едва сдержала вздох облегчения. Еще не время. Еще немного.

Парадокс! В сети камер слежения моей родной организации, секретной, правительственной было несколько слепых зон. А больницу напичкали видеоаппаратурой, как новенький коробок – спичками. Отовсюду за тобой подсматривали, подслушивали – спасибо громким делам с кражей органов и сотням нелепых, параноидальных обвинений, последовавших за ними. То и дело в разных концах Галактики родственники погибших людей кричали о том, что тела выпотрошили подчистую, забрали все, что можно пересадить. Судмедэксперты только и занимались, что новыми вскрытиями, хотя ни одно

подозрение так и не подтвердилось. Из-за всей этой шумихи сотни устройств слежения в самой обычной городской больнице лишили меня шансов на скачки порталом…

Дверь отделения захлопнулась за спиной. Я понеслась вниз по лестнице под стук молоточков в ушах, будто спасалась от погони. Проскочила мимо вахтера так, что он удивленно выкатил глаза. И только выбежав в тепло солнечного дня, наконец-то вдохнула полной грудью и притормозила.

Уф-ф-ф… Дело сделано.

Я обновила наш со смертью счет. Двести семь ноль в мою пользу.

Глава 2. Где кажется, что мельранцы и индиго действительно родственные расы

Я бродил в потемках, ища ее свет, ее огонь. Лес тянул ко мне когтистые ветви деревьев, словно изломанные в мольбе руки. Они выстреливали из сумеречной полутьмы у самого лица, и я едва успевал уклониться. Плазма мелькала вдалеке крошечным огоньком, как сказочное существо. А то показывалась лишь отчасти. Вдруг вырывался из мглы между деревьями протуберанец ее волос. Или тонкие, подсвеченные оранжевым пальцы гладили, перебирали еловые лапы. Я оглядывался, видел ее и снова терял. Лес подставлял мне подножки – поваленные деревья так и норовили сделать подсечку, корни – зацепить босые стопы, опутать. Лес прятал ее, а я стремился найти.

Но внезапно наверху, словно больничная лампа со знакомым мерным гудением зажглась Луна. Белая-белая, полная, она поплыла по черному небу без единой звезды и замигала – то погасая, то вспыхивая. Серебряный свет пролился на лес, вырвав из сумрака ветки деревьев, листья, даже сосновые иголки. Но этого Луне показалось мало. Света становилось все больше и больше. Он заполнял мир вокруг, как заливает вода скальные пустоты под морем. Я утонул в свете и неожиданно для себя самого открыл глаза.

* * *

Тик-тик-тик. Едва различимый звук больше не раздражал, как прежде. Напротив, послужил надежным якорем, по кускам возвращая мне реальность. По телу разливалось приятное тепло – тепло жизни. И я впервые за последний месяц ощутил себя полностью. Каждую мышцу, каждый клочок кожи, боль, щекотку, движения. Я чувствовал себя, владел своим телом. Боже! Какое счастье снова владеть своим телом! Я запрыгал бы на месте, если бы не боялся слишком сильно пошевелиться и потерять то, что обрел. Закричал бы что есть мочи, если бы не боялся, что меня примут за ненормального и отправят в психушку. Я убежал бы со всех ног, если бы не забыл как это – бегать.

Противный запах лекарств, едкий – дезинфектора ударил в нос со страшной силой. Так и хотелось вытолкнуть их наружу и больше никогда не вдыхать. Надо мной склонился доктор. Молодой, с грустным, вытянутым лицом доктор реанимации – он отключал аппарат. Я запомнил длинные, тонкие «музыкальные» руки и одну лишнюю фалангу на правом мизинце – из-за нее все время чудилось, будто палец сломан. А еще правый карман халата – он частенько маячил перед глазами, пока я умирал здесь, на аппарате. Из кармана неизменно торчала новомодная ручка с чернилами разной видимости. Одни сияли в темноте, а на свету лист казался девственно чистым, другие искрили, третьи меняли цвет.

Производители ручек никак не хотели отказываться от старых кормушек, не верили, что от руки давно никто не пишет. Все набирают на виртуальной клавиатуре новомодных компьютеров. Плоских, как лист бумаги, с кучей возможностей и миллионом способов набора текста. Хочешь – пиши, хочешь – начитывай, хочешь – подбирай по словосочетаниям на виртуальном табло. Самые умные передовые и дорогие компьютеры даже читали мысли. Не все и не совсем точно, правильно, но читали и перекладывали в текстовый редактор.

Рядом с реаниматором застыл второй врач – худощавый брюнет с длинными, жилистыми руками. Вены обтягивали их тугими синими веревками, хорошо заметными под тонкой, светлой кожей. Он лечил меня весь этот месяц – пытался из лоскутов мяса, крошева костей, месива внутренних органов собрать человека. Но такое подвластно лишь богу, а он всего лишь врач.

Край белой больничной простыни, до мерзости чистенькой, свеженькой неприятно скреб по подбородку.

Не успел я сообразить, что происходит, хирург, кажется, его звали Михаил, резко наклонился к лицу и пощелкал пальцами у самого носа. Не сильно, но

громкий звук гонгом ударил по ушам. Я поморщился.

– Он что, реагирует? – искренне поразился Михаил, и глаза его округлились.

– Угу, – кивнул реаниматолог, и лицо его побелело, словно окунулось в муку.

– Ничего не понимаю, – возмутился Михаил, всплеснув руками.

Да, вот так и встречают врачи тех, кто вернулся с того света. Зачем вы пришли? Мы вас не ждали! Чего надо? Не хотите ли назад? Проводы уже заказаны, патологоанатом подготовил лазерные скальпели, прогрел крематорий.

Сарказм поразил меня самого. Никогда прежде не смеялся над собственными несчастьями, а вот теперь вся ситуация выглядел жутко комичной. Обхохочешься. Эти два эскулапа с умным видом наклонились ко мне, и рассуждали о том, почему пациент скорее жив, чем мертв.

– Хм, – пожал плечами реаниматолог и наконец-то соизволил обратиться к «нему» – к «телу», то есть ко мне.

– Вайлис? Вы меня слышите? Вайлис? Вы помните, кто вы? Где вы? Как вы здесь очутились? – засыпал вопросами Михаил.

– П-помню. – Голос звучал чисто и даже заметно мелодичней, чем прежде.

– Говорите, – заинтересовался Михаил и присел рядом на кровать. Тут же с другой стороны устроился реаниматолог. Больничная койка заворчала противным скрипом – на троих ее не рассчитывали.

Пришпиленный к карману реаниматолога бейджик сообщал: «Илья Дерезин, старший врач реанимации».

Надо же! Очнувшись в больнице после аварии, я не смог прочесть его, как бы близко ни наклонялся врач. Буквы расползались в уродливые иероглифы, жирными кляксами плыли перед глазами. А теперь я видел четче, чем когда бы то ни было. Не только буквы, но и крошечную точку, что ошибочно затесалась в углу таблички, малюсенькую складку сбоку – скорее всего, заводской брак.

А еще я видел родинки – много родинок на лице и шее Ильи Дерезина и еще больше – веснушек. Отчетливо рассмотрел три шрама на щеке Михаила. Они шли один за другим, словно кто-то или он сам ногтями сдирал кожу.

В меня вонзились два взгляда – серо-голубой Ильи и темно-карий Михаила. Чудеса! Я заметил несколько зеленых крапинок в левом глазу реаниматолога, не больше игольного ушка размером.

– Ну говорите же! – потребовал Михаил, хмуря густые черные брови и нервно пригладив ершик черных волос.

– Что говорить-то? – растерялся я и сел.

– Осторожно! – заволновался Илья, придержав меня за плечи. – Голова закружится.

Я повертел головой из стороны в сторону, отметив несколько неподвижных тел вокруг. Они, словно диковинные пауки, лежали, опутанные трубками. Приборы жизнеобеспечения мигали разноцветными огоньками, мониторы выводили какие-то кривые и заунывно пикали.

Пик-пик-пик.

Голова не кружилась совсем, сознание было на диво ясным, мысли – быстрыми, четкими.

– Кто это? – Михаил сунул мне под нос голографический паспорт.

Из картинки выплыло изображение мужчины лет двадцати восьми, тридцати максимум. Повертелось перед самым моим носом, показалось в профиль, фас, сзади. Скуластый, высоколобый, наверняка тот еще упрямец. Со слишком пухлыми губами, но, на его счастье, не женственными. С тяжелой челюстью и внимательным взглядом темно-голубых глаз. Его светло-русые волосы стягивала в низкий хвост резинка. Крепкой фигуре не хватало нарочитой рельефности качков, чтобы выглядеть эффектней. Но сила в ней ощущалась немалая – не человеческая, другая сила. Господи! Да это же я! Это же мой паспорт!

Даже странно, насколько чужеродным, не моим казалось собственное лицо.

– Это я, – протянул, понимая, что врачи именно этого и ждут.

– Вы… – начал Михаил и покрутил рукой, предлагая «расширить» ответ.

– Вайлис Рамс. Наполовину человек, наполовину мельранец. Четыреста сорок шесть лет. Гражданин единого европейского государства. Сотрудник агентства по улаживанию чрезвычайных ситуаций в человеческих колониях на чужих планетах. На населенных другими разумными расами планетах. Коротко АУЧС, – отчеканил я без запинки. Михаил приподнял брови, Илья потрясенно покачал головой. – В последний раз летал на Лейлию. Это планета созвездия Оккии, заселена людьми лет сто назад. Колония неплохо поживает, только пресной воды мало, – продолжал рассказывать о своей работе, биографии, с любопытством наблюдая, как меняются лица врачей. Заинтересованность во взглядах перерастала в истинное изумление – приоткрывались рты, хлопали глаза, улыбались губы.

Когда я закончил, Михаил осторожно, понизив голос спросил:

– Про аварию помните?

– Да.

– Как очнулись в больнице?

– Да.

– Меня и доктора Дерезина?

– Да.

– Как мы вчера отключили вам аппарат жизнеобеспечения помните? – вкрадчиво, с оттенком то ли жалости, то ли извинения закончил «пулеметный допрос» Михаил.

– Да, – выпалил, понимая, что совершенно не злюсь на них. Пациент превратился в овощ, за органы работали машины. Врачи дали подопечному месяц, но потом списали в утиль. Все по-честному, все правильно.

Койко-места до?роги, карманы налогоплательщиков не резиновые, а родственники, похоже, отказались за меня платить. Ничего удивительного, я не в обиде. Когда мы виделись в последний раз? Я не смог точно вспомнить.

Я не был в родном городе лет двести или больше. Рабочая суета, ремонт, обустройство на новой квартире, вечеринки с друзьями и коллегами – все это казалось гораздо важнее, чем навестить родные края. Глупо, некрасиво, но очень современно, до скрипа в зубах современно. Человеческие родственники, что еще знали меня лично, умерли или были дряхлыми стариками. Люди хоть и жили теперь до ста шестидесяти, а то и до двухсот лет, но старели по-прежнему, разве только медленней. Мельранская родня или эмигрировала на родину, за сотни тысяч световых лет от Земли, или забыла обо мне как о страшном сне. Седьмая вода на киселе, никому не нужный, нежданный полукровка. Сын человеческой женщины, с которой отец, мельранец, собирался лишь развлечься, сбросить гормоны, попробовать экзотики.

Мельранцы – очень похожая на людей древняя раса. Смелые ученые даже предполагали, что именно они некогда населили Землю. Но потеряли связь с родной планетой, смешались с аборигенами и забыли кто они и откуда. Железным аргументом в пользу этой теории считали рождение почти в каждом человеческом поколении сверхлюдей – индиго. Они жили бесконечно долго, будто бы пробуждались древние гены и наделяли индиго удивительными способностями. Такими, например, как у Плазмы.

Мельранцы живут до двух тысяч лет. Сколько отмерила судьба мне, еще предстояло выяснить.

* * *

Меня продержали в больнице еще несколько дней. Брали анализы, следили, изучали всеми доступными современной человеческой медицине способами и машинами.

Дождаться не мог выписки. Но дождался.

Когда Михаил жал мне руку и прощался, желая больше никогда не возвращаться к ним, да и вообще в больницы, вопрос сорвался с губ сам собой.

– А Плазма не оставила адреса? Номера?

– Кто-о-о? – длинно поразился Михаил. Прищурился и вгляделся в мое лицо так, будто бы сомневался в рассудке пациента. Точно! Я ведь не знаю настоящего имени незнакомки! Это я прозвал ее Плазмой, мысленно, не помню даже в какой момент.

– Рыжая. Девушка, которая вызывала скорую.

– Хм… – Михаил пожал плечами, и сердце предательски екнуло. – Я ничего об этом не знаю. Насколько нам известно, скорую вызывала милиция. А милицию… кто-то из других водителей.

– Стойте! – ухватился я за соломинку воспоминания. – Но она же была здесь. В тот день, когда меня отключали?

Михаил улыбнулся – усталая улыбка человека, что ежечасно борется со смертью и проигрывает в неравной борьбе несколько раз в день, осветила его грустное лицо.

– Это все галлюцинации, – заверил он. – Мы ввели вам сильный наркотик, чтобы ушла боль. И вы… м-м-м… умерли без боли.

Помедлил. Стоит ли говорить ему, что умирал я в страшных муках и корчился бы и стонал бы от дикой боли, если бы не паралич? Наверное, не стоит. Что это изменит? Ни для меня, ни для тех, кому еще предстоит пройти через этот ужас, не изменится ничего. Выкарабкался – живи, нет – не лежать же столетья овощем, пока машина выполняет то, что должно делать тело?

– Вы уверены? – Сердце снова екнуло, чувствительно кольнуло. – Ко мне точно никто не приходил? Ну… кроме родственников. Тогда, после отключения?

– Вайлис, – вздохнул Михаил – снова так, словно Вселенная лежала на его плечах. – Реанимация закрыта. Пускают туда только по пропускам. Пропуска к моим пациентам выдаются у секретаря моего отделения. Уж я бы точно знал. Без моего разрешения секретарь такой документ никогда не выдаст. Да и после отключения от аппарата до… м-м-м… вскрытия к больным никого не пропускают. Приказ главврача. Были тут случаи… – Он осекся и замолк. Наверняка хотел поведать о тех знаменитых, скандальных делах с кражей органов и тканей.

– Спасибо, наверное, и вправду все это наркотик, – растерянно сказал я и вышел из отделения.

Длинный белый коридор реанимации, пол, выложенный плиткой с подогревом, белесые лампы, что заунывно гудят над головой… Все это осталось там, за деревянной дверью – вместе с противными запахами, вместе с днем моей смерти.

Я вырулил в каменный холл, на перекресток. Сзади и спереди шли отделения больницы. Справа только что захлопнулись дверцы лифта, слева предлагала потренировать сердце после долгого лежания лестница. Я свернул туда и слетел по каменным ступеням на первый этаж.

Регистратура мелькнула справа, помахала хвостом очереди посетителей. Смурная женщина средних лет в окошке что-то разъясняла седому мужчине, тыкая пальцем с огромным кольцом то ли в карточку, то ли в карту больницы. Я направился к вертушке. Молодой улыбчивый вахтер в черной форменной одежде с золотистыми клепками кивнул и нажал кнопку. Зеленая стрелка загорелась, стеклянные двери разъехались, и меня встретил солнечный полдень.

Больница разместилась на окраине города, а вокруг раскинулся нерукотворный парк. Когда-то здесь теснили друг друга высокие ряды новостроек, но много позже горожан выселили в широкое кольцо небоскребов. Оно опоясывало центр города, такой же зеленый и цветущий, как и окраины.

Здания снесли быстро. Современные технологии превращали кирпич и камни в пыль, а ее тут же собирали две чудо-машины. Создавали воздушные воронки и всасывали, как древние пылесосы мусор.

Несколько лет горожане сомневались – будет ли толк от решения властей. Но природа взяла свое, разрешив все споры и сомнения. Свечками потянулись к небу стройные деревья, распушили зеленые веера веток кустарники, густым ковром устлала землю трава. Зазолотились колосья, запестрели яркие полевые цветы, привлекая пчел сладким нектаром. В каменные джунгли из центра и с задворок города приносил ветер медовые, терпкие, огурцовые и пряные ароматы живой природы.

Вдохнув полной грудью, я направился к калитке с длинным шлагбаумом и по дороге едва не сбил с пути нескольких пурпурных бабочек размером с полладони. Под аккомпанемент веселого птичьего гомона я раздумывал – вызвать такси или пройтись пешком до нимбусной остановки. Магнитные автобусы, что летали по небу вместе с автомобилями, назвали, должно быть, в честь нимба. Хотя причем тут нимб? Городским властям виднее.

Я вышел из калитки, и прямо под ноги прыгнула белочка. Застыла, сложила лапки на груди, чуть склонила голову вбок и наблюдала глазками-бусинками. Я порылся в карманах, вытащил припрятанные еще с завтрака орешки, сухарики и бросил зверьку. Белочка схватила один, второй, третий и, смешно вихляя хвостиком, убежала подальше – прятать свой маленький клад.

Бз-з-з-з. Бз-з-з-з. Бз-з-з-з.

За месяц я так отвык от звонка мобильника, что не узнал его, не поверил ушам. Бз-з-з-з. Я поставил мобильник на виброзвонок в тот самый день, когда попал в аварию. Чтобы не отвлекаться от насыщенного движения трассы, не угодить в беду. Но угодил все равно. Забавно.

Хорошо, что нынешние аккумуляторы питали технику месяцами. Никаких тебе зарядок через два дня, никакого «синдрома внезапной смертности» телефонов. Хотя… иногда от новых технологий одни хлопоты. Лет сто назад не дозвонился бы до меня шеф, не достал бы. Кстати, а что ему понадобилось?

– Где тебя черти носят? – Элдар Базретдинов открыто и усердно недолюбливал полукровок. Мельранцев не переваривал совершенно. Я и то и другое, оттого и получал за всех сразу.

– Так в больнице лежал. Почти умер. Аппарат отключили. Чудом выжил. Неужели вам не сообщили? – удивился я.

– Мне сообщили, что ты не умер! – язвительно парировал шеф. – Поэтому жду тебя в Центре через два часа. С важнейшим заданием. И чтобы не опаздывал! – Элдар Масгатович цыкнул и отключился.

Что ж, выбор сделан за меня – придется вызывать такси.

Тихая гавань природы ушла на задний фон. Меня вновь захватил вихрь жизни «агента по тарелочкам». Так прозвали нас в далеком прошлом, когда еще бродили по свету легенды, что инопланетяне навещают Землю на летающих тарелках.

Суетливая пчела обогнула меня и помчалась к ближайшему лугу. Вот и мне пора спешить на работу.

Глава 3. Где выясняется, что не все, кого помнишь ты, хотят помнить тебя

Жалобный писк телефона оповестил об SMS. Я бросил взгляд на экран, занимавший не больше половины ладони, и решил не вызывать трехмерное изображение текста. И так понятно – скоро прибудет такси.

Несколько лет назад я установил на сообщения крик какой-то мельранской птицы, наивно предполагая, что он хоть немного мелодичен. Но очень ошибся – мерзкий звук походил на помесь пожарной сирены и скрипа пенопласта по стеклу. Я уже собирался сменить его на что-то более приятное слуху, но неожиданно для самого себя вошел во вкус.

Едва заслышав писк, переходящий в ультразвук, Элдар Масгатович смешно зеленел и возмущенно пыхтел. Кажется, вспоминал, как в недавней экспедиции на Мельрану всю ночь не спал из-за птичьей переклички.

Теперь звук вызывал у меня противоречивые эмоции. Мерзкий и противный до мурашек, он заставлял улыбаться, вспоминая, как кривился начальник, когда

мне присылали сообщения.

После SMS показалось лиловое междугороднее такси с серебристыми полосками на дверцах и крыше.

Машина подлетела стремительно, подняла небольшой ветер, и в лицо пахнуло хвойным ароматизатором. По сравнению с запахами природы он казался слишком синтетическим, рафинированным. Такси зависло в паре сантиметров от земли, воздушной волной перебирая высокую траву, и спугнуло божью коровку с подорожника у моих ног. Жучок с тремя черными точками на алых крылышках пронесся мимо самого носа и сел на плечо. Тонированное стекло опустилось, и бодрый брюнет средних лет в зеленой футболке уточнил:

– Вайлис Рамс?

– Да, – кивнул я, и водитель учтиво распахнул дверцу машины. – К главному офису АУЧС.

Я сдул божью коровку с плеча – не нужно ей с нами, пусть летит домой – и разместился рядом с шофером. Такси взмыло в небо, легче и быстрее иного вертолета времен моей юности, суетливо шарахнулась в сторону стайка птиц.

Остался позади голубой кристалл озера в рамке высоких камышей.

Двадцать минут – и мы пронеслись над стеной техногенных джунглей. Так прозвали каменную стену, высотой в триста этажей, она отгораживала жилые кварталы от царства дикой природы.

За стеной трехметровой толщины мир менялся до неузнаваемости.

Вместо свечек сосен и кипарисов, косматых дубов и грациозных берез ввысь тянулись колоссы небоскребов из камня, металла и пластика, усыпанные солнечными батареями, как новогодняя елка – игрушками. Они щедро отражали ослепительные лучи дневного светила. Пестрый луговой ковер сменяли булыжные мостовые приглушенных пастельных тонов с геометрическим рисунком. Похожие на пышные букеты кустарники замещали невысокие пристройки кафе, ресторанов, клубов и офисов.

Редкие трели пернатых заглушало жужжание машин, что обслуживали квартиры и офисы. И лишь победоносный свист ветра, что стремглав мчался сквозь лабиринт каменных джунглей, перекрывал такие привычные звуки цивилизации.

Свежий воздух с огуречными, медовыми, пряными нотками уступил место удушливому городскому, переполненному другими, не природными запахами. И они были не столь уж и неприятными.

Из ближайшего кафе пахнуло жареным мясом и картошкой, и желудок сжался, напомнив об обеденном времени недовольным урчанием. Концентрированные запахи садовых цветов и свежескошенной травы из офисных и квартирных ароматизаторов защекотали ноздри. Мы обогнули один из черных небоскребов, похожий на цилиндр с сотнями очков-окон, и на долю секунды в машину просочился запах домашних блинчиков. Желудок вновь предательски заурчал в предвкушении. И я твердо решил, что, получив задание, первым делом загляну в офисную столовую.

Такси выписывало залихватские виражи, огибая небоскребы, и уступая дорогу другим автомобилям. Машины, словно рой назойливых насекомых, вились между стройными рядами фонарей. Те же, длинные, тонкие, с шестью бутонами плафонов напротив каждого этажа здания, походили на гигантские, тусклые цветы.

Синий пятиэтажный офис АУЧС пристроился к голубому небоскребу с черными ажурными балконами. Собранные из тончайших металлических кружев, они немного напоминали изысканную архитектуру далеких веков.

Здания центрального кольца жилых кварталов, фонари, мощеные тротуары и дороги были выдержаны в синей гамме. Тонированные окна спасали глаза жителей от бликов солнечных батарей.

Такси село под черным пластиковым козырьком офиса без единого опознавательного знака или вывески. Так нашему начальству виделась особая секретность службы и ее базы. Хотя, на мой взгляд, именно полным отсутствием малейшего намека на владельца пристройка и привлекала особенное внимание.

Со мной соглашались случайные прохожие. Каждый, кто проходил мимо, ненадолго задерживался и с любопытством оглядывал офис. Ладно еще его

спрятали от посторонних глаз во дворе четырех небоскребов. Два близнеца-цилиндра надежно отгораживали пристройку АУЧС от главных пешеходных улиц.

– Сто условок, – с дежурной улыбкой сообщил шофер.

Я отдал ему пластиковую карту с треть ладони размером – уже лет сто никак не перейду на платежные браслеты, брелоки, кольца. Хорошо, что кассовые аппараты такси, магазинов, ресторанов все еще позволяли расплачиваться даже таким антиквариатом. Черная машинка, похожая на шкатулку, жадно всосала ее. Обнаружив нужную сумму, радостно пикнула, предложив мне подтвердить принадлежность денег моим ДНК. Я приложил палец к серебристому прямоугольнику на крышке шкатулки. Машинка снова пикнула, высунула карточку, как язык, и следом выплюнула чек.

– Благодарим за то, что воспользовались услугами нашего такси, – протараторил заученную фразу водитель. – Всегда рады видеть вас снова.

– Пожалуйста, – буркнул я в ответ и поспешил на работу.

По сравнению с соседями – конторами и ресторанами на первых этажах небоскребов – наш офис выглядел до ужаса скромно. На всех стенах и углах ближайших пристроек переливались сотни лампочек, над входом светились пестрые вывески. Даже детский живой уголок перещеголял нас ярко-изумрудной надписью над входом – каждую букву окаймлял сплошной ряд фонариков. Только ярко-желтые трехмерные цифры из электронных часов у самого козырька АУЧС тщетно пытались соответствовать броскому сиянию соседских украшений.

Без трех минут два.

Что-то непонятное, мимолетное отвлекло меня. Казалось, мимо уха просвистела муха, сердце тревожно екнуло, в животе пробежал холодок. Но когда я огляделся, ровным счетом ничего не увидел. Хм… Странно…

Стеклянные двери открылись – считали ДНК на расстоянии, – и я двинулся к лифту. В продвинутых офисах и жилых домах уже сотни лет не было ни охранников, ни домофонов, ни звонков. Где-то под козырьком подъезда

прятался от посторонних глаз прибор, хранящий генный код владельцев квартир и сотрудников учреждений. Двери открывались только для них, всем остальным пришлось бы ломиться сквозь пуленепробиваемое, жаростойкое стекло. Оно выдерживало плазменный поток, лазерный луч и даже взрывную волну небольшой бомбы.

Фраза «мой дом – моя крепость» для богатеев и среднего класса звучала гораздо меньшей аллегорией, чем прежде. Еще больше она подходила для офисов правительственных учреждений и богатых компаний.

В холле царила пустота. Неудивительно – большинство коллег в командировках в дальних уголках Галактики. В смутные политические времена мы почти не сидели на родной планете, залетая домой, только чтобы подготовиться к очередной поездке. А нынче как раз выдался непростой для Галактического Союза год – бесконечные столкновения землян и талькаирсов пошатнули хрупкий мир. Мы планировали первыми заселить две планеты с замечательными условиями для жизни – Муританну и Паллингру. Но по несчастливому стечению обстоятельств краснокожие гуманоиды с Талькаирсы высадились на Муританне в тот же день. И все бы ничего: в последние столетия соседство колоний разных рас на недавно открытых обитаемых планетах вовсе не редкость. Но поселенцы не поделили самую удобную и безопасную равнину Муританны. Горная гряда окружила ее короной, надежно защищая от природных бедствий и чужеземных нашествий. Лишь узкий перешеек невысокого холма соединял маленький цветущий рай с внешним миром.

Наши правительства до сих пор ломали копья и головы на нескончаемых переговорах. Каждая раса желала отвоевать равнину для себя и выселить другую за забор скал. Охлаждение некогда теплых отношений между землянами и талькаирсами докатилось и до колоний на других планетах. И, конечно же, коллеги разлетелись по ним, наводя порядок и расследуя межрасовые преступления.

Пока я ждал лифта, мимо прошло только двое агентов. Едва знакомые друг с другом, мы обменялись формальными приветствиями и кивками. Эхо голосов полетело по громадному холлу – в дни общих собраний он легко вмещал больше тысячи человек.

Лифт доставил меня на четвертый этаж, и распахнул двери перед родным муравейником агентских кабинетов. От круглого холла по центру лучами

расходились коридоры. И в каждом скучились десятки непрозрачных пластиковых дверей в рабочие помещения. Только один кабинет расположился прямо напротив лифта, в самом холле. Туда-то я и держал путь.

Если Элдар Масгатович вызывал сам, мы входили без стука. Так поступил я и сейчас и… застыл на пороге, пораженный до глубины души.

Плазма сидела напротив шефа, и ее золотисто-карие глаза с поволокой смотрели на меня совсем не так, как в палате. Заинтересованно, но холодно и отстраненно.

Красивое личико, с детскими чертами словно окаменело. Длинный рыжий хвост пролился на спинку черного кожаного кресла, как лава из жерла вулкана. Тонкие, как любят иногда говорить, музыкальные ладони свободно свисали с подлокотников. Узкие серые брюки облегали стройные ноги, голубая блузка подчеркивала грудь и талию.

Сердце тревожно забилось, в голове запоздало заметались сотни мыслей. Так это было не видение! Прощание с Михаилом почти убедило меня в обратном. А если и не убедило, то посеяло серьезные сомнения. Но она настоящая, живая! Это точно она!

Я запомнил крохотный треугольник шрама на лбу Плазмы – он выделялся даже тогда, когда она запылала. Запомнил две родинки: одну – прямо в центре правого запястья, другую – на среднем пальце левой руки. Запомнил пять, нет, шесть дырок в правом ухе – сейчас в них поблескивали медные гвоздики.

В полном замешательстве я переминался с ноги на ногу, и Элдар Масгатович недовольно поморщился. Его круглое, привлекательное лицо почти не портили ни массивный, слегка приплюснутый нос, ни слишком уж кустистые брови.

Рядом с бледной Плазмой смуглый шеф казался едва ли не негром. Впечатление усиливал короткий ершик иссиня-черных волос – очень мелких, с благородной проседью у висков. Заметив, что я все еще в ступоре, Элдар Масгатович приподнялся из-за стола. Когда-то он занимался борьбой и до сих пор выглядел весьма внушительно. Небольшой, округлый живот слегка полнил шефа, намекал на возраст, который скрывала моложавость лица. Но лишний вес Элдара Масгатовича здорово скрадывали массивные плечи и руки. При каждом

мимолетном движении казалось, что бугры мышц вот-вот порвут тонкую белую рубашку.

Сам не знаю почему, но смутное волнение охватило меня – сердце забилось быстрее, вдохи давались через силу. Я искал взгляд Плазмы, а она изучала собственные ногти – без капли лака, подстриженные, как у ребенка. Отчего-то мне было очень сложно оторваться от нее, переключить внимание на шефа. Странно… Я видел женщин намного красивее и гораздо эффектнее. Но сочетание детских черт лица, гладкой, почти без морщин, кожи – как у всех индиго, – с женственной фигурой и соблазнительными формами пьянило без вина.

– Ты очень долго, Вайлис, – проворчал шеф, и я удивился: почему он так мягок? Распекать подчиненных – с чувством, с толком, с расстановкой – Элдар Масгатович умел как никто другой. И любил, как немногие начальники отделов АУЧС. Агенты выходили из его кабинета, покачиваясь, не в силах вспомнить, что планировали, куда шли, когда вызов на ковер сломал рабочие планы.

Я ждал, что шеф выдаст еще что-нибудь эдакое – возмущенное, гневное, не без оскорбительных ноток, саркастических намеков. Но вместо этого он молча указал мне на кресло в шаге от Плазмы. Волнение окатило удушливым жаром, противную влагу с ладоней так и подмывало вытереть о новые хлопковые брюки. Я купил их в больничном магазинчике за час до выписки, как и невесомую льняную рубашку. На черной ткани мокрые пятна не столь уж и заметны, в конце концов.

Сердце застучало быстрее шагов по гладкому деревянному паркету, тяжелое дыхание не желало выравниваться, предательски выдавало эмоции. Я опустился в черное кожаное кресло, заметив, что наши с Плазмой руки на подлокотниках совсем близко друг к другу.

Заметила и она – резко убрала ладонь и положила ее на рабочий стол Элдара Масгатовича величиной с иной диван. Сквозь прозрачный голубой пластик столешницы проступали нитки водорослей. Раскиданные между ними ракушки, пузырьки воздуха, морские звезды и ежи напоминали об аквариуме, только без рыбок.

– Знакомься, Вайлис, – слишком вежливо начал Элдар Масгатович. Кажется, рисовался перед Плазмой. Даже басовитый голос его звучал особенно певуче: – Наш удаленный агент – Лелейна Милава.

Мне понравилось, как звучит имя Плазмы, как оно перекатывалось на языке тягучей, чистой мелодией. Ле-лей-на-а Ми-ла-ва…

– Можно просто Леля, – ровным, официальным тоном предложила Плазма. Ее звонкий, высокий голос украсил бы не один эстрадный клип. На совершенно бесстрастном лице Лели неожиданно расцвела теплая, дружеская улыбка, в золотистых глазах мелькнули задорные искорки.

– У вас важнейшее задание. Отправитесь на Муританну, – торжественно сообщил шеф. Я не сдержался, удивленно приподнял брови, и Элдар Масгатович довольно ухмыльнулся. – Да-да, Вайлис, вы отправляетесь в самую гущу событий – Шеф усмехнулся еще раз – не столько по-доброму, сколько со своей излюбленной ехидцей. – Вы смените двух других агентов. Ты их не знаешь, – опередил готовый слететь с языка вопрос. – Оба были свидетелями неприятных инцидентов. Поэтому решено отозвать их и прислать кого-то беспристрастного. Отправка завтра в четыре утра из Центрального телекосмопорта. Я лично прослежу, чтобы все было чики-пуки.

– А-а-а подробности не расскажете? – удивился я. Обычно Элдар Масгатович детально посвящал командировочных в проблемы колоний – с именами, фамилиями, явками. Бурно и многословно делился собственными подозрениями. И вдруг такое многозначительное молчание, такой минимум информации.

– Подробности слишком щекотливы для всех сторон, – понизил голос Элдар Масгатович. – Узнаете на корабле. Там приватные записи. Устроите киносеанс в тайной комнате. Звуко, свето и всего-всего непроницаемой. В общем! Место встречи – Центральный телекосмопорт. Номер пути – двадцать. Кроме вас на корабле только шесть биоботов. Обслуга. Все понятно? Или повторить? – Шеф перевел на меня взгляд – в нем, как и в его словах, читалась недвусмысленная издевка. Одна бровь заломилась, губы растянула кривая ухмылка. Не сдержался Элдар Масгатович, выпустил-таки отношение к полукровкам и мельрандцам на волю.

Плазма кивнула и, прежде чем я успел обронить хоть слово, дернуться с места, выскользнула из кабинета. Не убежала, но ушла так стремительно, быстро, что я снова растерялся.

– Мне все понятно, – бросил шефу и рванул следом за Лелей.

Я выскочил в круглый холл и потрясенно огляделся – Плазмы и след простыл. Над лифтом мигала стрелка вверх и номер пятого этажа – значит, она ушла пешком. Я метнулся к лестнице и вмиг оставил за собой все восемь проемов. Но ни впереди, ни в холле первого этажа Лели не обнаружилось.

Казалось, она прошла кротовой норой, как новейшие корабли телекосмопорта. В открытом космосе они проводили ничтожно малое время. Ныряли из одной кротовой норы в другую и за неделю пересекали Галактику вдоль и поперек.

Сам не понимая почему, я вдруг поставил себе задачей догнать Лелю. Бросился к офисным дверям и пулей вылетел наружу.

Дневной двор приветствовал тишиной и покоем. Дети и подростки в школе, молодежь – в академиях, университетах и ПТУ, взрослые – на работе. На деревянных лавочках у подъездов кормили голубей несколько бабушек. Три молодые женщины с колясками о чем-то очень тихо переговаривались невдалеке от газона с огромными оранжевыми герберами.

Еще пара десятков мамочек зорко следили за чадами на просторной детской площадке. Ребята постарше с восторженными визгами катались с горки, прыгали внутри комнаты-батута в форме дракона, лазили по турникам, качались на качелях. Малышня возилась в песочнице, где легко улеглись бы с десяток взрослых.

Ветер бросил в лицо запах жареной картошки, и желудок возмутился невниманием хозяина. Тем, что встретив Плазму, он совсем позабыл о недавнем чувстве голода. Но куда же она все-таки запропастилась? Неужели успела выскочить на центральную улицу? Тогда погоня бесполезна.

Там поджидают клиентов, зависнув в нескольких сантиметрах над землей, десятки такси. Она уже могла уже улететь в другой конец города или за его окраины. Из груди вырвался невольный вздох. Я пожал плечами, сам себе

удивляясь, и прислушался к желудку. В самом деле, чего это я? Пойду-ка пообедаю. Никуда не денется Леля, завтра как миленькая прилетит в космотелепорт. И как минимум на двое суток мы останемся единственными пассажирами транспортника. Больше того! Нам обоим нужно будет ознакомиться с причиной командировки в одной и той же суперзащищенной от всего комнате.

Эти мысли удивительным образом придали мне сил, бодрости и оптимизма.

Я расправил плечи, вдохнул поглубже и шагнул к ближайшему кафе. Обедать в офисной столовой резко расхотелось. Мысли о встрече с приятелями из АУЧС, как ни странно, не приносили приятных минут. Я вдруг понял, что до ужаса сторонюсь расспросов о том, как ухитрился выжить с переломами костей, с травмами всех органов, с множественными сотрясениями мозга. И еще больше чураюсь расспросов об аварии, о том, как все случилось. Обед в обществе малоизвестных агентов, обмен официальными фразами и обязательными пожеланиями приятного аппетита привлекал еще меньше.

И я решительно дернул длинную вертикальную ручку ресторанной двери с многообещающим названием «Сказочная трапеза». Знакомые агенты неплохо о нем отзывались, рекламировали кухни разных стран мира, советовали как-нибудь попробовать. И вот это «как-нибудь» наступило.

Глава 4. О том, что мы можем и жалеть, и не жалеть об одном и том же поступке

День не заладился с самого начала. Как всегда в промежутках между командировками, я проснулась поздно, ближе к половине двенадцатого. Пока привела себя в чувство, умылась, оделась, стукнуло почти полпервого… Я отправилась на кухню, заваривать чай, собираясь закончить отчеты за завтраком. В агентстве по тарелочкам бюрократия цвела ничуть не менее пышным цветом, чем в любой другой правительственной конторе.

Пухлый красный чайник закипел и выплюнул облачко пара. Я залила горячей водой заварочный – белый, щекастый, словно созданный для большой семьи. Люблю хороший чай. На просторной кухне под него отводился целый мини-шкафчик. Много столетий назад мы с мужем неизменно встречали гостей

крепким, ароматным напитком. И друзья поражались: никогда не пили столько жидкости, а тут…

Летний день за окном развлекался тем, что запускал солнечных зайчиков на пол. Они носились по бежевому паркету из искусственного дерева, бросались под ноги. Напротив моего трехсотого этажа величаво плыли облачные корабли, позолоченные лучами.

Только налила себе чаю, меня позвал другой индиго – Заллис. Мы общались на расстоянии, мысленно, и почти не встречались лично. Как и с большинством сородичей с тех пор, как открылся дар. Кажется, я получила его лет в шестьдесят или около того.

Индиго воспринимают не только информацию, что летит сквозь пространство из мозга в мозг, как сообщение по интернету, но и чувствуют эмоции собеседника, а иногда могут даже на мгновение увидеть его – смутно, неярко словно карандашный набросок, почти без штриховки.

– Леля? – Слишком высокий для мужчины голос вздрагивал, срывался. – Мне нужна помощь.

Я сразу поняла, что дело безнадежное.

– Оживи… брата. Пожалуйста… – Заллис всхлипнул – очень тихо, но я услышала. – Несчастный случай. Он же пожарный…

Эх! Давно надо было полностью заменить живых пожарных биоботами. Пока власти считали, что целиком перекладывать жизненно-важную для людей работу на полумашины опасно, гибли невинные.

Я знала, что новость расстроит Заллиса, но… деваться некуда. Уж если обрубать хвост, то целиком, а не по частям. Я отпила чаю для храбрости и отставила большую белую чашку на желтый, щербатый пластик стола.

– Прости. Не могу. Никак не могу, – проронила, не скрывая досады.

– Недавно оживляла? – выдохнул Заллис. Вопрос был риторическим, но он все равно его задал. – Когда? Ты же можешь раз в год или даже чаще?

– Чуть больше двух недель назад, – через силу пояснила. – Но нас ведь четверо. На Земле-то. Ну воскрешателей, – заторопилась с предложением. – Шестеро на Галактику. Попробуй достучаться до остальных.

– Попробую. Извини, что побеспокоил, – Он отключился прежде, чем я успела сказать хоть слово в утешение. Ну и правильно! Надо спешить, искать других индиго, как я, а не языками чесать.

Дон-н-н… Дон-н-н… Дон-н-н…

Колокольный звон вызова по сотовому заставил вздрогнуть. Я схватила старенький телефон – почти с ладонь размером. И к самому лицу выстрелило трехмерное изображение номера Элдара Масгатовича.

Сердце тревожно екнуло, словно предвещало беду.

Я присела в свое любимое кухонное кресло – мягкая, бархатистая обивка помогла расслабиться, унять беспокойство. Сложила ноги по-турецки, глотнула еще чаю и только потом приняла вызов.

– Леля, приезжай в офис. К часу или к полвторого, – без прелюдий изрек шеф. Его грубоватый голос, как обычно, звучал нарочито спокойно, вежливо. Элдар Масгатович относился к индиго с благоговейным трепетом.

– Хорошо, – ответила я. – Только отчеты еще не готовы.

– Плюнь на отчеты. Есть срочное дело. Жду. – И второй раз за утро собеседник отключился прежде, чем успела ответить.

Что-то будет…

Я метнула взгляд в окно. Три машины пролетели где-то на уровне двухсотых этажей, на глазах сбавляя скорость. Резко снизились и пошли на посадку во дворе. Ветер занес на кухню запах пережаренных гренок и одуванчиковый пух.

Такси! Надо вызвать заранее. Днем в моем направлении жуткие пробки.

Словно очнувшись от оцепенения, я заказала машину и рванула в кабинет…

* * *

Рабочая комната была точной копией той, что много столетий назад делили мы с мужем. Покупая квартиру, я смерила ее десятью шагами – вдоль и поперек. Черная шеренга пластиковых шкафов-солдатиков за спиной почти не отнимала пространства, но вмещала все, что нужно для работы и отдыха. Начиная от книг, инструментов, аккумуляторов и заканчивая сотнями полезных в хозяйстве вещей.

Я полюбила шкафы-солдатики после рождения сынишки. Они отлично запирались на магнитные замки, и вскоре туда переселилось все, до чего дотягивались маленькие ручки. Батарейки, зарядники для телефонов, сами телефоны, лекарства и куча другой, опасной для детей мелочовки. А все, что не умещалось внутрь, громоздилось сверху. Красная ванночка для грудничков с исцарапанными игрушками краями пролежала на шкафу-солдатике почти год. Мы отдали ее соседям для их первенца. Тоже красная поляна для малыша с улиткой-зеркальцем и смешной обезьянкой на пружине продержалась на год дольше. Но потом перешла в наследство подругиному сынишке.

По старинке отстукивая пальцами по клавиатуре, я принялась перебрасывать все отчеты на флешку. Все, что успела подготовить – чуть больше половины. Реальными кнопками давно никто не пользовался. Я раздобыла этот антиквариат с огромным трудом – заказала в специальном магазине и ждала месяца три, пока соберут и доставят. Нынче все работали на трехмерной виртуальной клавиатуре – она пришла на смену сенсорным экранам. Надоело людям стирать жирные пятна, опечатки пальцев с новомодных тонких, как лист бумаги, мониторов. И все вернулось на круги своя. Зачем мне потребовалась пластиковая клавиатура? Сама не знаю. Приятно было ощущать под руками настоящие кнопки. Не утопать пальцами в трехмерных фантомах, а чувствовать, как они вдавливаются, как сопротивляются нажиму.

Десятки страниц перекочевали на флешку. Теперь их делали не больше пол-ногтя в ширину, плоскими, как картонка. Я сунула флешку в карман и в

ожидании такси, принялась бездумно листать новости в галанете – межгаллактическом интернете.

Внутри поднималась паника, больно колола сердце, сбивала дыхание. Вызов к Элдару Масгатовичу насторожил не на шутку. Я никогда не работала в центральном офисе, да и наведывалась туда считанные разы за столетия безупречной службы.

Должность «удаленного агента» меня более чем устраивала. Не требовалось встречаться с коллегами, создавать видимость общения, пропускать через себя приятную суету чужих жизней – рассказы о детях, любимых, друзьях.

Ох уж мне все эти обеденные чаепития с именными кружками, печеньем из магазинчика рядом с офисом и задушевной болтовней вприкуску… Дежурные вопросы вначале рабочего дня: как жизнь, как дела, как домашние? Они выводили из себя, лишали самообладания.

Когда-то и мне было чем поделиться, чем похвастаться. Давно, много-много столетий назад. А потом… потом я всех потеряла. Они ушли один за другим, оставив мне лишь крошечные осколки своих жизней, маленькие сувениры на память. Я заперла их в ящике письменного стола, как в сейфе, и никогда никому не показывала.

Там, в отдельной пластиковой коробочке, лежала беленькая бирка с ручки сына – ее надели малышу в роддоме. На тонком, дорогом пластике чернела надпись: «Мальчик, 3,6 кг. Доношенный». Рядом в точно таком же крошечном прозрачном мавзолее хранилась ириска «кис-кис». Дочка почти не ела сладкое, только эти конфеты и любила. Я нашла ириску в ее детском платьице, когда разбирала старые вещи, убранные в коробки на лоджию. Власти осчастливили граждан четырьмя выходными подряд. И мне вздумалось выбросить ненужный хлам, а еще хорошие, почти новые вещи отдать друзьям с детьми, с дачами. И вот я начала складывать сарафанчик и… нащупала в кармане что-то жесткое. Я отдала дочке ириску в шутку – тогда она уже вышла замуж и жила отдельно. А вернулась конфетка ко мне уже при совсем других обстоятельствах.

Я снова набралась духу разобрать вещи. Пришла к дочке домой после ее похорон. Трехкомнатная квартира еще хранила флер духов моей девочки – от запаха свежести и зеленых яблок на глаза навернулись непрошенные слезы. На

кресле, аккуратно сложенный, лежал красный клетчатый плед – мой подарок на последний день рождения дочки. У нее стали часто мерзнуть ноги.

Меня словно вела интуиция. Я залезла в черный пластиковый шкаф – он высился в углу гостиной – и среди множества коробочек, пластиковых емкостей с бытовыми мелочовками… обнаружила маленькую шкатулку из бересты. Надпись на ее крышке гласила «капелька везения». Я приоткрыла шкатулку и обомлела. Там лежала ириска, та самая ириска…

Запертый ящик надежно прятал от чужих глаз коробочки с сотнями флешек. Сколько фотографий они хранили? Да кто ж их знает. Я брала любую, вставляла в компьютер и уходила из реальности.

Вот дочурка, вся такая торжественная и серьезная, выпрямилась на краешке нашего старого белого дивана. Пристроилась совсем рядом с тремя царапинами от колес игрушечной машинки – они небрежными росчерками упирались в поручень. Сынишка в детстве устраивал гонки по мебели, и она еще хранила отпечатки его веселых забав. Напряженная, со сложенными на коленях руками, в белой кофточке и черной юбке-карандаше, моя девочка похожа на молодую учительницу. Немного робкую и невероятно очаровательную.

Рядом, задевая богатырским плечом абажур антикварной желтой лампы – маминого подарка – насупился ее жених. И где только дочка его откопала? Курносый нос-картошка, весь усыпанный веснушками, черный ершик волос на голове, грубые, короткие ладони, нескладная, хотя и крепкая фигура… За дочкой ухаживали такие красавцы. А этот… Что она в нем нашла?

Вот мы танцуем с сыном на его свадьбе, вернее, это он держит меня на руках и кружит, подняв над полом. Вокруг рассыпается в стороны пестрая до рези в глазах толпа гостей – благо громадный светло-голубой зал ресторана позволяет ретироваться подобру-поздорову. А тяжелая хрустальная люстра над головами позвякивает в такт мелодии бусами подвесок.

А вот… муж на балконе отеля, на каком-то морском курорте – сама фотографировала. Капельки крема от загара блестят на круглых щеках и курносом носу – опять поленился нормально размазать, голубая бандана смешно съехала набок. Веера пальмовых веток распушились на заднем фоне и тщетно пытались скрыть от любопытных глаз лазурную полосу моря в окантовке острых

клыков скал.

Но все это осталось там, в прошлом.

А теперь… теперь я не находила сил вытерпеть то, как делились своим счастьем другие. И что еще важнее – не хотела терпеть. Наверное, во мне говорило малодушие. Но что поделать… Все мы не безгрешны.

Работа «на дому» и в командировках стала истинным спасением. Я нуждалась в ней, как утопающий в спасительной соломинке. Чтобы совсем не одичать, не забыть, как общаться с людьми, не забыть какие они – эти люди. Дар и служба позволяли ощущать себя полезной, причастной к чему-то большему, справедливому и нужному. Я не представляла себя без работы, хотя на счета в банке могла безбедно существовать еще уйму времени. Казалось, уйду с должности – и ничего в жизни не останется. Ничего. Пустота.

Дзин-н-н… Дзин-н-н… Дзин-н-н…

Такси. Момент истины.

Пока яркооранжевая машина неслась к цели, я все сильнее накручивала себя, в ужасе пытаясь угадать – что сделала неверно, чем нагрешила. И чем ближе подлетало такси к знакомому синему офису, тем все отчаянней колотилось сердце, все труднее становилось нормально мыслить. Когда подошла к кабинету Элдара Масгатовича, меня трясло изнутри. Минуты сменяли друг друга, а я замерла перед белой пластиковой дверью, не в силах справиться с волнением. Оно упорно рвалось наружу – неровным дыханием, дрожью в пальцах.

С огромным трудом совладав с собой, я вошла, морально готовясь к худшему. Но шеф по тарелочкам неожиданно тепло поприветствовал, мигом разрядив атмосферу. Предложил располагаться как дома. Мне надо было еще тогда насторожиться! Уж слишком он старался…

Где была интуиция индиго? Почему не сработала?

Я устроилась в кресле у стола Элдара Масгатовича и расслабилась на мягком сидении из натуральной кожи. Начальник позволил прийти в чувство. Не мешал,

не торопил. Сел напротив, откинулся на спинку кресла и наблюдал с непроницаемым лицом профессионального агента. Сколько бы ни оттрубил он в кабинете, а былую выучку не пропьешь.

Стоило успокоиться, настроиться на рабочий лад, Элдар Масгатович выпрямился, растянул губы в неестественной улыбке и сообщил, что мне предстоит сменить коллегу на скандальной Муританне. Ничего себе! Задание с подвохом! В груди снова тревожно екнуло, ком в горле не желал сглатываться.

Увы! То были лишь цветочки. Не давая мне опомниться, Элдар Масгатович посерьезнел и предупредил, что мы ждем второго агента. Он будет сопровождать меня в почти наверняка провальной командировке. И он очень хорош в скользких делах вроде нашего.

Едва Элдар Масгатович закончил свою речь, вновь откинулся на спинку кресла… в кабинет решительной походкой вошел Вайлис Рамс.

Я встретилась с ним глазами и… похолодела. Казалось, сердце вот-вот выпрыгнет из груди и забьется на полу, словно беспомощная рыба на берегу.

Почти осязаемо ощущая на себе цепкий взгляд матерого агента, его повышенное внимание, я едва дышала.

Он… меня… узнал. В голове воцарился сумбур, мысли путались, ускользали. Как это вообще могло случиться? Это же невозможно! Невероятно! Он не мог узнать меня, не должен был! Но… узнал.

Казалось, земля ушла из-под ног, и там, внизу, разверзлась пропасть, грозя поглотить меня в одно мгновение. А заодно засосать и остальных индиго – тех, кто верил, что я сохраню наш секрет.

Никто, кроме самих индиго, не знает всего о наших способностях. Ни ученые, ни врачи, ни чиновники, что выдают нам особые удостоверения личности, отмечая каждого нового сородича. Каждый из нас уникален, каждый может такое… Разнюхай об этом люди, не видать нам свободы, не видать гражданских прав. Сидели бы в клетках и работали на правительство, когда того требовала ситуация. А то и вовсе пополнили бы список анонимных объектов исследований какой-нибудь сверхсекретной лаборатории.

Вайлис должен был забыть те мгновения. Так же, как и все остальные оживленные мной люди. Так же, как все воскрешенные даром индиго с огнем в крови – любого из нас. Они же всегда забывают! Ну как же так?

Хлипкая надежда на то, что Вайлис спишет все на видения, на фантазии умирающего мозга, испарилась. Он смотрел на меня такими глазами… Не знаю, как объяснить…

Чудилось, еще секунда – и Вайлис в подробностях расскажет обо всем, что между нами было. Нарисует карту моих родинок, шрамов… эрогенных зон. И только начальник по тарелочкам мешает его откровениям.

Огромным усилием воли я заставила себя расправить плечи, вытянуться струной и сделать вид, что слушаю Элдара Масгатовича. Но его слова терялись, уходили за границы восприятия. Я только и думала, что о Вайлисе, и корила себя на чем свет стоит.

Какая же я дура! Сентиментальная, слезливая дура, не способная мириться с нечаянными, неоправданными смертями. Вообще не способная мириться со смертью.

Надо было тысячу раз подумать, расспросить сородичей – оживляли ли они полумельранцев…

Ну да… все мы сильны… задним умом.

Как же мы сработаемся с Вайлисом, как уживемся бок о бок? Меня до холода в желудке пугала эта перспектива и соблазняла до тепла в животе. Так манит мотылька ослепительная смерть на раскаленном стекле фонаря. Но я индиго, и я справлюсь. Не девочка-двадцатилетка все же – женщина с длинным прошлым за плечами.

* * *

Я собиралась в дорогу в какой-то странной, до ужаса непривычной лихорадке. Дежурный чемодан не особенно выручил. Я почти разобрала его после

предыдущей командировки. Думала, агентство даст небольшую передышку. Всегда давало…

Успокоившись по части сборов, вдруг поняла, что так и не пообедала.

Захватила из холодильника вчерашние блинчики с мясом и решила, пока есть свободная минутка, проштудировать историю конфликта на Муританне. Хотя бы ту ее часть, что разошлась по Союзу благодаря прессе и галанету. Устроилась с перекусом за черным пластиковым столом и откинулась на мягкую спинку кожаного кресла.

Я не особо следила за новостями из скандальной колонии. И вот они посыпались как из рога изобилия. Вычленить нужные, отсечь слухи и сплетни оказалось гораздо сложнее, чем я предполагала.

Все началось с того, что земляне и талькаирсы высадились на одной и той же авнине Муританны – сейчас ее называют Коронованной. Кольцо гор вокруг с почти симметричными скалистыми пиками, с вкраплениями эрридра – минерала, удивительно похожего на алмаз – и впрямь напоминало изысканную корону.

Несколько недель колонисты тщетно пытались договориться, кто займет райское место, защищенное от природных катастроф и хищников. Правительства Земли и Талькаирсы сражались за авнину на другой, политической арене – более чистой и менее опасной. А тем временем, если верить галанет-версии, ситуация на Муританне накалилась добела.

Колонисты поделили авнину и строгонастрого запретили инопланетникам заходить на свою территорию. Но спустя несколько недель невдалеке от границы нашли трупы трех молодых землянок.

Зачем девушки так подставлялись? В тот момент я этого не понимала, считала ужасной глупостью. Конечно же, я им сочувствовала, но больше сочувствовала близким погибших… Они потеряли дочерей, сестер из-за неуместной беспечности. Но потом… потом выяснилось, что все происходило совершенно не так.

Через две недели при невыясненных обстоятельствах пропал молодой талькаирец. И по какой-то непонятной никому причине в гибели его тотчас

обвинили землян. Инопланетники не нашли ни тела, ни подтверждений тому, что парня убили. Но спустя двое суток по времени Муританны десять талькаирсов зверски избили и бросили умирать четверых землян. На следующий день земляне ворвались в три дома талькаирсов и расстреляли всех: мужчин, женщин, детей. Вопросы множились в голове, а логики в событиях не добавилось ни на грош.

Почему жертвой пали три семьи? Почему не десять? Почему убили простых талькаирсов, а не руководство поселения? Разве не оно обязано держать всех в узде, наводить порядок?

А хуже всего то, что, в отличие от Вайлиса, я никогда прежде не работала с убийствами. В человеческих колониях вдосталь других преступлений.

Внутри поднималась знакомая горячая волна. Зачем нужны все эти смерти? Кому стало от них легче? Их беспричинность и бессмысленность больно кололи сердце… Внутри росло стойкое ощущение какой-то мистификации.

На следующий день после страшной расправы в поселениях высадились миротворцы с родных планет, границу начали патрулировать круглосуточно.

А спустя еще два дня талькаирсы наткнулись в горах на тело того самого парня, якобы убитого землянами. Похоже, он просто сорвался в ущелье и сломал позвоночник. Но смертельная гонка уже стартовала.

Несмотря на неусыпную охрану границы, на старания властей, спецслужб, наших коллег, люди и талькаирсы продолжали пропадать и обнаруживались уже мертвыми.

Агенты по тарелочкам, сыщики, тайные правительственные следователи изо всех сил пытались найти виновных в первых смертях. Если верить очевидцам, убийцы носили специальные маскировочные костюмы. Один поселенец даже ухитрился тайно снять мерзавцев на камеру.

Следователям пока не удалось даже установить, принимали участие в расправе обе расы или же только одна. Слишком уж похоже телосложение людей и талькаирсов. Костюмы убийц скрывали лица, особенности фигуры, изменяли рост и комплекцию. Производились и продавались они на обеих планетах – либо

в секретных магазинах для спецслужб, либо на черном рынке.

И вроде бы куда уж проще? Проследить покупателя, выйти на заказчика. Но в официальных магазинах клялись, что никому «со стороны» ничего не продавали. Все костюмы были учтены и принадлежали существам, не покидавшим свои планеты. Прошерстили и продавцов с черного рынка. Но и этот след привел в тупик. На черном рынке костюмы не приобретали уже почти столетие.

И во всю эту сумятицу отправили нас с Вайлисом, отозвав одних из самых опытных коллег – они работали в колонии с момента высадки. Так решило даже не руководство агентства по тарелочкам, а Объединенное правительство Земли. Для обсуждения планетарных дел особой важности созывались полномочные представители Азиатского и Европейского государства. И вот этим самым полномочным представителям стрельнуло в голову влить в конфликт «свежую кровь», посмотреть на него «свежим взглядом».

Задание вызывало у меня гораздо меньше восторга и оптимизма, чем у Вайлиса. Хотя, наверное, он убежден, что раскроет преступление и накажет виновных. Если верить досье, ему это удавалось и не один раз.

Я устало вздохнула и выключила компьютер. Но внезапно экран мигнул желтоватым светом, и наружу выстрелила надпись:

«Мы знаем, кто ты. Мы знаем, что ты можешь. Не высовывайся. Или жди беды».

Сердце тревожно екнуло, в ушах застучали молоточки, меня пробила мелкая дрожь. Что это? О чем они?

Я замерла, перечитывая послание, но вдруг оно растворилось в воздухе. Экран почернел, синяя кнопка пуска на клавиатуре погасла. В суматохе я подскочила к компьютеру и хотела загрузить его снова… Но странное безразличие разлилось по телу.

А спустя секунду я уже и не думала о случившемся. Словно кто-то выключил переживания и опасения по этому поводу… Даже странность этого меня не беспокоила.

Глава 5. В которой разница между сном и явью удивляет героя

Я вдруг почти перестал ощущать запахи ресторана – их заслонил ее аромат. Я не думал о нем в кабинете Элдара Масгатовича, не обращал внимания сознательно. Но сейчас даже упоительные запахи свежей еды – солянки, куриного рулета, горячего овощного рагу, будто бы исчезли.

Я жадно втягивал ее аромат – едва уловимый, похожий на смесь ноток мяты и корицы.

Желудок мгновенно перестал урчать и сжиматься. Внимание переключилось с горячего обеда на ту, что отодвинула занавеску моей «приватной кабинки» и остановилась напротив.

Выгнулась кошкой и прислонилась к столбу из черного пластика, почти неотличимого от мрамора. На четырех таких столбах и держались занавески, отделяя нас от людного зала ресторана. Я скользнул взглядом по длинной шее Плазмы, прямой спине, резкому переходу между талией и круглыми ягодицами и захлебнулся воздухом. Отметил кокетливо приподнятую ножку в красной лодочке на высоченной шпильке. Жар и тяжесть прилили к лобку быстрее, чем я успел приласкать взглядом высокую грудь и ложбинку, такую заметную в декольте короткого топика.

А взгляд бесцеремонно опускался туда, где обрывался вышитый лиф, открывая наблюдателю идеальный живот и красивый пупок.

Сердце колотилось как сумасшедшее, воздух распирал грудь. Я стиснул Плазму в объятиях и стянул резинку с ее волос. Мне почему-то жутко хотелось освободить их от плена прически, дать волю огненной лаве янтарных прядей. Золотистые глаза Плазмы смотрели без прежней отчужденности, без холода, с лихорадкой желания. Как же это было здорово!

Вдохновленный и по-глупому восторженный, я опустил руку на бедро Плазмы и поспешно задрал коротенькую юбчонку – она едва прикрывала лобок. Жар охватил меня целиком, когда обнаружилось, что на ней нет белья.

Не помню, как расстегнул брюки, как усадил ее на стол и куда подевалась еда. Помню лишь это знакомое ощущение – себя в ней, такой тесной, влажной, возбуждающей. Помню, как впивался ртом в губы Плазмы – мягкие, нежные, как и в первый раз. Помню, как двигался, подгоняя минуту пика, сладостного освобождения. Помню, как дрожал от гнета страсти, от нетерпения. И ее тело вторило, ее руки скользили по спине, а губы обжигали шею и щеку.

Помню, как не мог насытиться Плазмой, как снова и снова обладал ею, будто в первый раз. Изливался и возбуждался все сильнее. Горячка желания не проходила. Но ни с чем несравнимое удовольствие прижимать ее, дрожать от долгожданного освобождения, вдавливаясь сильнее и сильнее, искупало все.

В каком-то тумане, в лихорадке увидел, как распадается здание ресторана. Пф-ф-ф – и стены, потолок, пол разлетаются, как колода карт, кружа в голубом мареве, без верха и низа.

Нас с Плазмой, сплетенных воедино, окутал странный, розоватый туман. Заклубился вокруг, тонкими лентами опутал тела. Но мы так и не расстались. Словно все вдруг стало неважным, отступило перед силой нашей страсти. И мы парили в невесомости, не отрываясь друг от друга, продолжая то отдаляться на мгновения, то жадно стремиться навстречу друг другу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/sapfir_yasmina/mel-ranskie-istorii

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити